

К ВОПРОСУ О ПРЕДИКАТНОМ СТАТУСЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО
(НА ПРИМЕРЕ ФОРМУЛ ТОЖДЕСТВА С ОТРИЦАНИЕМ)*Виктория Лазарева*

Важнейшим достижением лингвистической теории референции является классификация типов референциального предназначения именных групп (далее ИГ). Эта классификация позволила производить тщательный анализ употребления именных выражений в тексте, проясняя механизмы выбора языковых средств и построения высказываний. Имена собственные (далее ИС) в этом плане изучались недостаточно. Наиболее апробированная в русской лингвистике классификация разных типов референциальных употреблений, или денотативных статусов (далее ДС), предлагаемая Е.В. Падучевой, включает два основных класса употреблений – (I) субстантивные и (II) предикатные.¹ Только субстантивные (термовые) употребления устанавливают связь с внеязыковыми объектами действительности, т.е. имеют отношение к референции. Предикатное употребление такой связи не предполагает и включается в классификацию ДС только как член первичной оппозиции (субстантивные vs. предикатные употребления), а собственно классификация ДС ИГ строится уже на основе субстантивных употреблений ИГ.

То, что наиболее характерным для ИС является субстантивный тип употреблений, в частности определено-референтное (*Сократ* – философ), не вызывает сомнений. Тем не менее ИС подвержены референциальному варьированию, они могут входить как в состав референтных ИГ разной степени определенности, так и нереферентных ИГ.² Однако в настоящей работе нас будет интересовать возможность как раз предикатного, а не субстантивного, употребления ИС-антропонимов. В качестве языкового материала к анализу привлекаются отрицательные формулы тождества болгарского языка.

¹ Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., Едиториал УРСС, 2004.

² Там же. С. 90, 94, 106; Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., Языки славянской культуры, 2002. С. 120.

Предикатные ИГ не вводят в рассмотрение объекты, а означают свойство, приписывают признак. Несмотря на то, что предикатная ИГ – “это чистое общее имя”,³ возможность такого употребления не исключается и для ИС. Впрочем, вопрос о способности ИС употребляться предикатно является одним из дискуссионных: поскольку функция логического предиката тесно связана с признаковым значением, а эту роль лучше всего выполняют предикатные слова, знаки-понятия, а не знаки-субституты, каковыми признаются ИС, ср. *Моя мать – врач*; *Вальтер Скотт – автор “Веверлея”*. Заключая, что ИС относятся к монофункциональным знакам, способным осуществлять единственно идентифицирующую функцию, Н.Д. Арутюнова тем самым отрицает возможность ИС употребляться вне референции.⁴ Такой точки зрения придерживаются многие исследователи, описывающие типичные для ИС употребления в контекстах, раскрывающих сигнификативный потенциал имени, типа *Ты настоящий Ромео*, в терминах перехода ИС в нарицательное.

Вообще говоря, утверждение Н.Д. Арутюновой о монофункциональности ИС несколько контрастирует с ею же сделанным наблюдением о семантической, а следовательно и синтаксической двойственности ИС-антропонимов, а именно о способности ИС получать предметное или событийное значение в зависимости от синтаксической позиции. Впрочем, исследовательница уточняет, что обладая двойственным семантическим статусом, ИС все же не имплицитуют регулярных событийных коннотаций (предикатов).⁵

Действительно, ИС не несут и информации о фиксированных и конкретных отличительных признаках индивида, поэтому их нельзя отнести к “классическим предикатам”, которые имеют тенденцию к отрыву от денотата с последующей моносемизацией. Однако можно предположить, что в предиктном употреблении ИС сближаются с предикатами таксономического типа, сохраняющими семантическую диффузность и неопределенность, свойственную конкретной лексике.⁶ Между прочим, сходство конкретной лексики с ИС было отмечено еще Д.Н. Шмелевым, обратившим внимание на соотношение между насыщенностью

³ Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью... С. 99.

⁴ Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., Наука, 1976. С. 329.

⁵ Там же. С. 146-148.

⁶ Ср.: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., Языки русской культуры, 1999. С. 33.

слова индивидуальными признаками и его жесткой связью с денотатом (чем больше насыщенность, тем жестче связь). Подобно ИС, выделяя характерные признаки *сосны*, которые отличали бы ее от других хвойных деревьев (длину хвои, размер шишек), мы характеризуем не столько значение слова, сколько сам предмет.⁷ К этой аналогии мы еще вернемся ниже.

Тем не менее считается возможным приписывать ИС предикатный статус в двух основных случаях: а) переносные употребления ИС, когда *быть X-ом* = 'быть как X', т.е. обладать какими-либо существенными признаками X-а; б) прямые употребления ИС, когда *быть X-ом* означает 'быть тождественным себе', т.е. 'быть самим собой'.⁸

Из вышесказанного следует, что прототипические предложения, прогнозирующие признаковое прочтение ИС, имеют структуру тождества. Если в послесвязочной позиции находится ИС в переносном употреблении, то формула тождества имеет вид *X copula Y*, т.е. совпадает с ядерной моделью идентифицирующих предложений. Изоморфизм конструкций идентифицирующей и характеризующей семантики помогают разрешить маркеры метафорического прочтения, указывающие на семантическую реинтерпретацию ИС, ср.: *Иван Милев е един български Густав Климт* (ЛКА);⁹ *Беше досущ Александър Македонски* (Г. Манев, БНК).¹⁰

Если же в предикативной позиции находится ИС в прямом употреблении, то формула тождества принимает вид тавтологии, т.е. *X copula X* (*Денислав си е Денислав*). Впрочем, структура предложения не всегда содержит лексическую тавтологию. Субъектную позицию может занимать личное или обобщающе-анафорическое местоимение,¹¹ а в непол-

⁷ Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку. М., Языки славянской культуры, 2002. С. 23.

⁸ Падучева Е.В., Успенский Б.А. Подлежащее или сказуемое // Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит. и яз. 1979. № 4. С. 352.

⁹ Пометой ЛКА (Личный корпус автора) обозначены примеры, собранные автором из интернет-источников (форумов, блогов и др.), а также записанные со слов носителей языка.

¹⁰ Пометой БНК обозначены примеры из Болгарского национального корпуса (www.ibl.bas.bg).

¹¹ Высказывалось мнение, что первым компонентом в биноминативных предложениях характеристики может выступать только местоимение 3-го лица, ср.: *Илиева К.* Биноминативни изречения и прагматика. Пловдив, МАКРОС 2000. Было показано, однако, что и местоимение *това* может выступать в этой роли, ср.: *Иванова Е.Ю., Прасо-*

ных речевых реализациях подлежащее может вообще опускаться. ср: *Думите му предизвикваха неприятна изненада, но не се посрещаха с гняв, първо, защото това беше Иван и, второ, защото се говореше, че между баща му – бай Генчо, и майката на Тодор Живков баба Маруца има някаква роднинска връзка* (Г. Данаилов); *Защото да бъде Милена Дреновска може само тя и за повечето ѝ близки и приятели това означава да бъде всичко, от което някога са имали нужда в живота – буря, покой и топлина* (ЛКА). В таких высказываниях второй компонент структуры тождества переосмысливается как характеризующий, что мотивировано уже не лексическим повтором, а логическим планом высказывания.

Представляется, что возможность функционирования ИС в предложениях характеризующей семантики обусловлена двойственной природой ИС. ИС парадоксальным образом “жестко” связано не только с физическим, но и не физическим (духовным, душевным, психическим, творческим) миром человека. Так что, функционируя в речи, ИС актуализирует то одну, то другую ипостась. Часто эти две формы существования сливаются, поэтому рассмотреть их через ИС не всегда удается.

В обычных предложениях характеризующей семантики, как известно, устанавливается связь между объектом и его признаком. В случае с ИС происходит отождествление индивида и знания о нем. Каким же образом это способствует формированию характеризующей семантики?

Представляется уместным сделать небольшое отступление и вернуться к отмеченной ранее аналогии между ИС и конкретной лексикой в семантическом плане (насыщенность индивидуальными признаками, жесткая связь с объектом, диффузность значения). Известно, что семантическая аналогия в определенной степени предопределяет аналогичную функциональную. В связи с тем, что конкретные имена, имена естественных классов, помимо идентифицирующей функции, могут выполнять в речи роль таксономических предикатов, мы предположили, что сходное функционирование могли бы иметь и ИС. Как известно, классифицирующие предложения устанавливают идентичность объекта одному из членов множества. А индивид (в самой распространенной концепции) понимается как открытый “пучок качеств” (или кластер), по-

лова Н.В. Местоимение *това* как первый компонент биноминативных предложений // VI Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова: матер. междунар. науч. конф. (9-11 сент. 2004 г.). СПб., Филол. ф-т С.-Пб. гос. ун-та, 2005. С. 29-34. Наш материал подтверждает это наблюдение.

сколько действительная индивидуализация отдельного предмета возможна через соотнесение с ним системы, некоторой совокупности признаков.¹² Опираясь на концепцию индивида как пучка признаков, можно предположить, что в формулах тождества устанавливается идентичность конкретного проявления индивида одному из элементов кластера. Могут возникнуть возражения о замкнутости подобной операции, не эксплицирующей конкретных признаков. Действительно, в изолированном контексте выражение *Денислав си е Денислав* – неинформативно, даже для тех, кто может быть очень хорошо знаком с Дениславом. Однако выражение неинформативно не потому, что ИС *Денислав* пусто, а потому, что оно предельно насыщено и может иметь много разных прочтений. А конкретизация, индивидуализация признака возможна только в определенном контексте. Так что в каждом конкретном случае актуализируемый смысл ИС, вообще говоря, контекстно обусловлен, ср.: *Момчето е толкова внимателно, толкова предпазливо и толкова отговорно. Най-вече – отговорно. Денислав си е Денислав!* (“Дума”, БНК).

В связи с вышесказанным существенными представляются наблюдения лингвистов, отмечающих, что таксономические предикаты, принципиально отличаясь от характеризующих, все же пересекаются с ними.¹³ Превращению таксономического предиката в характеризующий способствует в частности акцентированное выделение семантического компонента: *Он учитель*. Классификационные предложения типа *Она же женщина, Ты же мужчина* (где частица *же* как раз способствует выделению семантического компонента) в художественной и разговорной речи могут использоваться не в прямом значении, а реализуя или имплицитно качественно-признаковые семы, т.е. переосмысливаясь как характеризующие: из пучка признаков отбираются в каждом отдельном случае лишь некоторые составляющие.¹⁴ Так что для предложений такого типа внеконтекстная конкретизация признака также невозможна. Как кажется, механизм формирования характеризующего значения у ИС формулами тождества устроен подобным образом.

В примере выше признаки Денислава эксплицитно называются в контексте (*внимателен, предпазлив, отговорен*), но тавтология придает

¹² Ср.: Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нерелевантные слова: Значение, коммуникативная перспектива. Прагматика. М., Языки русской культуры, 1996. С. 27.

¹³ Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека... С. 32.

¹⁴ Ср.: Иванова Е.Ю. Сопоставительная болгарско-русская грамматика. Т.2: Синтаксис, под науч. ред. Ст. Димитровой. София, Велес, 2009. С. 164.

им сущностный статус, характеризуя как константные, ингерентные. Между прочим, обозначение ингерентных свойств является как раз одним из отличительных признаков таксономических предикатов. Таким образом, с одной стороны, контекст тавтологического высказывания эксплицирует знание об объекте, а с другой, подчеркнем это, – формирует его.

Тавтологии подробно исследовались в нашей предыдущей работе, где инвариантным значением для них было предложено считать *сохранение субъектом индивидуальных сущностных признаков на фоне постоянно изменяющейся действительности*.¹⁵ Здесь же обратимся к их отрицательным модификациям и тем свойствам ИС, которые данные построения выявляют.

Необходимую пресуппозицию предложений с отрицанием составляет субстанциональное (а не признаковое) тождество объекта, ср.: *Срецинах Стоичка из трети път. Обикаляше из улиците на София в граждански дрехи, вехтък, окъсан и омърлушен. <...> Не, разбрах, че това момче не беше вече Стоичко, но съвсем друг човек, безполезен и развален* (И. Вазов, БНК). Отрицательные конструкции представляют собой сообщения о качественных преобразованиях объекта. Констатация перемены на разных этапах истории индивида, как в примере выше, выражается по сути в отказе от прежней привычной номинации. Характерным элементом отрицательных конструкций является временное обстоятельство *вече*, которое прерывает временную континуальность и влечет за собой смысловые модификации.

Для сообщения о нарушении сущностного единства также используются отрицательные модификации тавтологических конструкций, мотивированные необычностью поведения индивида, нетипичностью его проявлений. Например: *Играеше наистина като гимнастичка от друг свят <...>. Илиана си беше Илиана още от първите си стъпки. Носеше си в кръвта и лидерството, и дързостта. <...> Първите дни – кошмарни. Илиана не е Илиана. <...> Каквото захване, все не става* (Н. Робева, БНК).

Как правило, отрицательные конструкции погружены в контекст, содержащий ограничивающее условие, отсутствие которого нарушило бы сущностное единство личности. В качестве такого условия, например, могут быть представлены необходимые компоненты “личного ми-

¹⁵ Лазарева В. Биноминативные тавтологии с именами собственными (на материале болгарского, русского и итальянского языков) // Сборник научни трудове от Националната конференция с международно участие “40 години Шуменски университет 1971-2011”. Шумен, Унив. изд-во “Епископ Константин Преславски”, 2012. С. 70-78.

ра” X-а, которые вводятся предлогом *без*: *Милка Велева не е Милка Велева без своите сътрудници, без колегите си, без счетоводния колектив, без всички останали* (ЛКА).

Можно сказать, что построения с отрицанием “специализируются” на выявлении сущностных составляющих. Впрочем, условие контекстной обусловленности предикатного прочтения ИС сохраняется, так что в каждом конкретном случае могут быть свои сущностные составляющие “личного мира” X-а. Нарушение “сущностного” единства человека, вообще говоря, не отражается на его субстанции и не ставит под сомнение сам факт его существования. Заметим, однако, что для вымышленных героев это не совсем так, если вообще можно говорить о субстанции в данном случае. Иногда достаточно отсутствия одного сущностного признака, чтобы разрушить персонаж в его единстве. Это хорошо иллюстрирует следующее высказывание: *Мишел Талер – Raid за глаголите. <...> Безпощадният аскетичен жрец на съществителното. Велик, невербален, непостижим... Като Зоро без домино, Д’Артанян без рапира, Гартюф без библия <...> Този Талер! Безстрашният неуморим търсач на литературни усещения* (“Литература, изкуство и култура”, БНК).

Наиболее распространенными в нашем корпусе примеров оказались гипотетические конструкции – с глаголом-связкой в будущем времени: *(X) няма да е X* (реже – *(X) няма да бъде X*). В контексте обязательно содержатся показатели ограничивающего условия, отсылающие к его развернутому выражению в предыдущем контексте или в придаточном предложении. В качестве косвенных маркеров условия были отмечены: временное обстоятельство *вече*, наречия *тогава* и *иначе*. Например: *Може и да ни се иска снабдяването на езика с преводима памет да става чрез междутекстовостта и в рамките на литературните и дискурсивните практики като цяло, но това вече няма да е Юлия Кръстева* (Б. Пенчев, БНК); *Разбира се, не съм и очаквала, че Нешка ще намали тренировките само защото сме спечелили шест от пет възможни златни медала и още три сребърни. Боже упаси! Та това няма да е Нешка тогава!* (М. Рангелова, БНК); *Героизмът на Хектор (който знае, че ще бъде убит, но който приема борбата, защото иначе няма да бъде Хектор), саможертва, по-ценна от живота* (В. Тодоров, БНК).

Ограничивающее условие может вводиться союзом *ако* с последующим сказуемым в отрицательной форме: *Но Стефан няма да е Стефан, ако не избяга и тук от прекия отговор* (К. Топалов, БНК); *И наистина е лудост да се започва на двацет години, но няма да е Жулиета, ако не си позволи този риск* (М. Рангелова, БНК).

Таким образом, отрицательные модификации формул тождества с предикатным ИС в послесвязочной позиции сообщают о нарушении сущностного единства индивида и возникают как реакция на его необычное поведение. Подобные высказывания возводят какой-либо компонент или компоненты “личного мира” X-а в ряд необходимых, сущностных, так что индивид косвенно характеризуется как соответствующий своей истинной сущности. При этом интенцией говорящего может быть эмфатизация определенного качества субъекта или, например, оправдание его поведения.

Итак, ввиду известной семантической аналогии ИС и имен естественных классов, определившей отнесение и тех и других в концепции С. Крипке к “жестким десигнаторам”, представляется возможным установить и функциональную аналогию этих классов лексики. Мы предположили, что ИС в прямом предикатном употреблении, подобно именам естественных классов, функционируют в речи как квазитаксономические предикаты, соотнося актуальное на момент речи проявление индивида с пучком присущих ему признаков.

Между тем рассмотренные отрицательные конструкции, эксплицирующие необходимые условия для применимости ИС, свидетельствуют о сложной семантической структуре и семантической двуплановости ИС как знака, ср.: “Сигнификат слова можно представлять не только как совокупность существенных признаков, по которым выделен класс сущностей, именуемых данным словом, но и как набор необходимых и достаточных условий применимости – условий, которым должен соответствовать объект для того, чтобы его можно было обозначить с помощью данного слова”.¹⁶

¹⁶ Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебник. М., Книжный дом “Либроком”, 2009. С. 82.